

DOI: 10.17805/zpu.2015.1.16

О некоторых сторонах военной организации древних кочевников европейской Степи*

С. А. ЯЦЕНКО

*(РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,
МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ),*

Е. В. ВДОВЧЕНКОВ

(ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, г. РОСТОВ-НА-ДОНУ)

Статья продолжает серию публикаций авторов по общественному строю сарматов. Эта группа ранних кочевников наиболее полно изучена археологически, причем на обширной территории. Однако анализ социальных институтов остается слабым звеном сарматологии. По традиции выявление социальной стратификации сводится к сложной и дробной статистической обработке деталей конструкции погребальных сооружений, сопровождающих вещей и т. п. В данной статье развивается другой подход, основанный на выделении могильников с разными принципами комплектования (и соответственно — ограбления современниками).

На основе критерия всеобщей «вооруженности» умерших воинов в каждом могильнике выявляются и сопоставляются три дружинных некрополя из разных районов Сарматии середины I — начала III в. н. э. Они имеют в каждом случае весьма стандартизованную обрядность. Такие могильники находились в непосредственной близости от поселений за-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы стратегического развития Российского государственного гуманитарного университета.

The article was written with financial support from the Strategic development program of the Russian State University for the Humanities.

висимых земледельцев; «кормление» производилось в каждом из них малыми группами воинов. Экипировка дружинников не была стандартной и зависела от таковой у потенциальных противников, а также от ресурсов данников и обилия военной добычи. Надежно выделяются могилы военных предводителей, отличающихся серией деталей оружия и костюма, а также облик и планиграфией их курганов. Рядом с мужчинами похоронены жены, привезенные с родины, и единичные «значимые» дети. Нет оснований считать этих воинов представителями аристократии, перед нами наемная дружина. Вероятно, важную роль в создании дружин сыграло противостояние Римской империи в период ее наибольшей активности на северо-восточных границах, а также ее союзникам.

Вывод о существовании сарматской дружины в Танаисе рубежа II–III вв. основывается на эпиграфике. Надписи свидетельствуют о специфическом устройстве коллектива граждан города и особой роли в нем сарматов. Важен анализ серии оригинальных имен-прозвищ сарматского происхождения; этимология части из них связана с деятельностью военных отрядов.

Письменные источники отмечают для данного периода особую роль женщин племен у устья Дона. Это подтверждается археологическим материалом. В некрополе Новый вооруженные женщины (обычно замужние) составляли 16%, при этом их набор оружия аналогичен мужскому. В большинстве некрополей одиночный предмет парадного вооружения был, вероятно, символом статуса жен знати не самого высокого ранга.

Ключевые слова: археология, сарматы, среднесарматская культура, позднесарматская культура, кочевники, дружины, дружинные некрополи, военные предводители, город Танаис, женщины-воительницы, Нижний Дон, оружие.

ВВЕДЕНИЕ

Воинственные сарматские племена сыграли важную роль в истории Европы. Однако многие вопросы их военной организации до сих пор изучены слабо. Прежде всего, речь идет о существовании профессиональных военных дружин как в Степи, так и на территории соседних земледельческих государств. Другой важный аспект — использование женщин в военном деле. Ниже мы рассматриваем эти явления по археологическим данным на примере кочевых носителей среднесарматской (конец I в. до н. э. / середина I в. н. э. — середина II в. н. э.) и ранней позднесарматской (середина II — середина III в. н. э.) культур. Фактически в публикациях на эту тему до наших работ последних двух лет высказывалась лишь серия предположений, не имеющих внятной аргументации.

НАЛИЧИЕ ДРУЖИН ИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ВОИНОВ

Предполагаемые письменные сообщения о дружинах сарматов Полиена, Констанция и Фавстоса Бузанда слишком кратки и не вполне определены (ср.: Нефедкин, 2011: 74, 83; Яценко, 2014b: 25). Выделение серий дружинных погребений для ранних кочевников и сегодня кажется нерешенной проблемой (см., напр.: Васютин, Дашковский, 2009: 191, 212). Изучение дружинных групп возможно лишь на материалах достаточно полно раскопанных могильников. С высокой достоверностью с дружинниками можно связать такие некрополи, где *все* погребенные мужчины сопровождалась оружием. На сегодняшний день из всех могильников сарматских племен на огромной территории их проживания от Западного Казахстана до Венгрии выявлены всего *три* подобных пункта (кажется несомненным, что в древности их было существенно больше), которые сильно различаются размерами, богатством погребенных, а также наличием современных им ограблений: 1) Чертовицкий I в верховьях Дона (I — начало II в. н. э.); 2) цепочка некрополей «Золотого кладбища» на Средней Кубани (середина I — конец II в. н. э.); 3) очень своеобразный маленький некрополь в Новых Бедражках (Молдова, рубеж II–III вв. н. э.), который есть все основания считать мемориалом

жертв военной акции, при этом лиц старшего возраста (Яценко, 2014b). К сожалению, по разным причинам в первых двух случаях у нас нет антропологических определений пола и возраста умерших. Однако на практике серьезных проблем с этим из-за четкой дифференциации сопровождающих вещей по полу не возникает (Медведев, 2008: 95; Гущина, Засецкая, 1994: 8). В материалах этих дружинных могильников мы акцентируем несколько важных моментов.

1. Они размещены на границе кочевой Степи с зоной оседлых зависимых племен и при этом в 300–500 м от городищ местных земледельцев, что обеспечивало их «кормление». При этом курганы расположены малыми группами (видимо, по принципу семейного родства). Так, в Чертовицком (где исследовано около половины выявленных курганов) всего в некрополе, видимо, было похоронено около 30 мужчин-воинов. Для таких некрополей характерна высокая стандартизация погребального обряда. При этом на «Золотом кладбище» форма самих курганов и могил-катакомб весьма специфична. В Чертовицком это миниатюрные насыпи высотой 0,2–0,4 м.

2. В каждом из некрополей явно отсутствовал обязательный набор предметов вооружения. Последнее у предполагаемых дружинников подбиралось в прямой зависимости от такового у потенциального противника. Так, в сравнительно бедных ресурсами и населением верховьях Дона оседлые поселения этого времени чаще всего не укреплены (возможно, потому, что это не позволялось). Здесь дружинникам достаточно было меча (обычно короткого) и лука со стрелами (т. е. предусматривались вначале осыпание врага стрелами, а затем — схватка врукопашную). А упокоившиеся в некрополях «Золотого кладбища» воины не только противостояли находившимся за Кубанью прекрасно вооруженным племенам меотов и пограничью Боспорского царства, но и (судя по характеру ряда вероятных военных трофеев римского и ближневосточного происхождения) участвовали в дальних, многомесячных походах. Здесь мы видим прежде всего тяжелую кавалерию в доспехе (комбинированном или кольчуге), вооруженную копьем (часто специальным — для пробивания доспехов), длинным мечом и кинжалом, а также луком и стрелами для дальнего боя. В могилу с ними часто клали лошадь с набором упряжи.

3. Материальное богатство дружинников зависело, видимо, как от ресурсов «кормивших» соседей-земледельцев, так и от возможности получения обильной военной добычи и выкупа пленных. Здесь явное преимущество имели кубанские воины (в могилах которых найдено много дорогой римской посуды и причудливых амулетов; они и их жены декорировали одежду золотыми бляшками, хотя массивные золотые вещи, обычные для аристократии, здесь отсутствуют). Ограбления этих могильников современниками напрямую не зависели от их богатства, а определялись взаимоотношениями с подвластным населением. Так, в Чертовицком практически нет синхронных ограблений, а в весьма бедных Новых Бедражах ограблены два центральных погребения в ряду. Напротив, на все могильники обширного «Золотого кладбища» не нарушенным остался единственный курган 18 у станицы (далее — ст.) Тифлисской с бедным женским захоронением.

4. В каждом из некрополей находились, видимо, среди прочих и могилы *предводителей* таких отрядов. В Чертовицком они отличались наличием длинного всаднического меча (курганы 4 и 6), а их могилы размещались вплотную друг к другу в центре основного скопления курганов (Медведев, 1990: 35, 41, рис. 7). Единственный предполагаемый предводитель в Новых Бедражах (похороненный на краю ряда) отличался длинным всадническим мечом и дополнительными деталями костюма. В группах «Золотого кладбища» атрибуты предполагаемых лидеров, судя по сохранившимся

вещам, сводились к плакированному золотом чешуйчатому доспеху — ст. Тбилисская, курган 3; к металлическому шлему, набору из нескольких копий — ст. Казанская, курган 17; конскому доспеху — ст. Тбилисская, курган 15; поясу с золотыми бляхами в «зверином стиле». Кроме обычного оружия, предводители иногда использовали магическое, сделанное из «ископаемых» топоров бронзового века (в кургане 1 у ст. Ярославской он был насажен на длинный железный стержень и служил своего рода штандартом, см.: Яценко, 2008: 121). Немаловажной здесь была и высота кургана: на одном «полюсе» находятся объекты высотой 0,3–0,4 м, на другом — высотой от 3,2 до 4,5 м (ст. Усть-Лабинская, курганы 29, 30, 32; ст. Казанская, курган 17; ст. Тбилисская, курган 1).

5. Для понимания общественного положения дружинников и особенностей их расквартирования важно наличие и статус в их некрополях могил *женщин и детей*. В Чертовицком женских погребений было примерно столько же, сколько мужских, т. е. воинов сопровождали могилы жен (они размещались на периферии основного скопления курганов). На «Золотом кладбище» женских могил заметно меньше, чем мужских, причем первые подчас явно размещались рядом, когда, вероятно, хоронили двух-трех женщин, связанных с несколькими мужчинами — родственниками или побратимами (курганы 8 и 9 у ст. Тбилисской; курганы 4 и 6, 13 и 15, а также 43–45 у ст. Казанской; курганы 1, 2 и 4 у ст. Тифлисской). Судя по тому что обряд погребений у всех женщин — сарматского типа, дружинники брали своих жен не из туземок, а из своего или родственных этносов. Видимо, эти женщины не были неполноправными наложницами, захваченными в плен, так как в их могилах отмечены достаточно редкие статусные аксессуары костюма, прежде всего шейные гривны (из бронзы в Чертовицком, из золота — на Кубани). Вместе с тем для большинства женщин этого слоя характерен не слишком престижный «бронзовый статус» важнейших аксессуаров (гривна в кургане 2 Чертовицкого; диадема с Мировым деревом из кургана 46 в ст. Усть-Лабинской; скипетр из кургана 20 в ст. Тифлисской).

На общем фоне в Прикубанье выделялась дама из кургана 20 в Тифлисской, имевшая два особых скипетра, богатое «амулетное» ожерелье, серию подобранных изделий с антропоморфными изображениями; сохранившуюся часть набора ее вещей можно отчасти даже сопоставить (с поправкой на дешевизну их материала) со списком атрибутов жен из княжеского сословия *ardar* (Яценко, 2007). Главным же показателем их статуса можно считать наличие золотых аксессуаров костюма, детали ожерелий и серьги (курганы 4, 13 и 43 в Казанской, 42 в ст. Усть-Лабинской), тонкие гривны (Устья-Лабинская, курганы 32 и 43; ст. Тифлисская-Казанская, курган 49). Как мужчинам, во входную яму клали целую лошадь (ст. Тбилисская, курган 9, см.: Ждановский, 1984: 85). Две дамы из Чертовицкого с более высоким статусом (курганы 3/42, 5/40) отличались наличием небольшого золотого аксессуара костюма (серьги или височные кольца), а их могилы находились на северном краю основного скопления.

Несомненно, речь идет о наличии в зоне размещения дружин *полноценных семей*. В обоих стационарных некрополях находилось место для погребений не только жен, но и детей (точнее — немногих значимых из них). В Чертовицком I это курганы 22, 25 и 31, находившиеся по краям могильника (детский возраст умерших определяет длина ям в них — всего 1,3–1,4 м). На «Золотом кладбище» детей хоронили «вслед» рядом с недавно ограбленными могилами взрослых или внутри них (в ст. Усть-Лабинской это были самые высокие курганы 29, 30 и 32 высотой от 4,3 м).

6. Характерно, что некрополи с наличием оружия у всех мужчин в более раннее время (в скифское и раннесарматское) отсутствуют. Вряд ли на носителей среднесармат-

ской и начальной позднесарматских культур повлиял в этом и опыт «кочевых империй» запада Центральной Азии, откуда мигрировали в Европу их предки: никаких свидетельств наличия дружин в них пока не выявлено. Важно, что все три известных ныне погребальных комплекса дружинников датируются от середины I в. н. э. и, видимо, до рубежа II–III вв. н. э. (достоверных артефактов, бытовавших с III в. н. э., в них нет). Думается, это не случайно совпадает со временем максимального военного присутствия Рима на краю европейской Степи. Периодическое противостояние с военной машиной римлян и их союзников, видимо, во многом способствовало формированию у кочевников дружин, при всех проблемах организации, экипировки и прокормления последних.

В целом сегодня нет данных в пользу принадлежности сарматских дружинников к наследственной аристократии (ср. о содержании аристократией дружин с дорогой экипировкой: Хазанов, 1971: 81). Видимо, их участники образовывали особую социальную прослойку, вероятно, не замкнутую: иначе пополнение этих небольших отрядов представляло бы серьезную проблему (ср.: Вдовченков, 2012а: 75–76).

ПРОБЛЕМА НАЛИЧИЯ САРМАТСКОЙ ДРУЖИНЫ В БОСПОРСКОМ ТАНАИСЕ

Нами уже рассматривалась высокая вероятность наличия небольшой военной дружины из военных поселенцев — сармато-аланов (около 150 воинов) в г. Танаис второй половины II — первой половины III в. н. э. (Вдовченков, 2012b; Яценко, 2014b: 27–28; ср.: Завойкина, 2004), исходя, прежде всего, из серии свидетельств городской эпиграфики. Не позже 188 г. н. э., видимо, в ранний период правления Савромата II, в городе оформилась специфическая организация местной общественной жизни, ранее достоверно не известная. Она во многом связана с нарастающим в каждом поколении включением в состав граждан (около 300 человек) лиц сармато-аланского происхождения, носивших соответствующие имена (в среднем в каждом поколении около 40%) (ср.: Шелов, 1972: 244–277).

Собственно, это были имена-прозвища (в греческой транскрипции, с соответствующими окончаниями), даваемые уже взрослым людям и имеющие прямые аналогии в поздней алано-осетинской традиции (Яценко, 1998: 54). Из двух общин граждан — эллинов и «танаитов» — последняя имела не одного, а одновременно трех лидеров-«архонтов» (отражающих, видимо, сложный состав этой группы), которые в надписях всегда упоминались впереди эллинарха. Кроме гражданских лидеров общин, «танаиты» избирали особого военного предводителя-«лохага», что не документировано для эллинов; в нем можно видеть начальника дружины численностью до 150 человек (весьма солидной для небольшого городка). В последней трети II в. граждане сарматского происхождения носили, по Д. Б. Шелову, лишь такие имена, которые имели аналогии в других регионах Причерноморья (вероятно, после разорения города «поздними сарматами» около 150 г. с ведома боспорского царя здесь поселилась группа прежних носителей среднесарматской культуры, отчасти подвергшихся влиянию новых повелителей Степи) (Яценко, 2011: 205–206). Именно среди этих последних известный иранист В. И. Абаев отметил специфическую группу имен-прозвищ, связанных с предполагаемой дружиной: Состоящий в том же боевом отряде, Получающий первую награду и т. п. (Абаев, 1979: 289, 296; Яценко, 1998: 54–55). Однако в первой трети III в. в Танаисе оказалось около 60 граждан, носивших сарматские имена нового типа, *совершенно уникальные* и явно связанные с окрестными «поздними сарматами». Среди них — имена, связанные с тотемными животными (особенно кабаном), а также «герои-

ческие», вроде Попирающий стрелой, Имеющий силу десяти мужей, Чья речь полна отваги и т. п. (Абаев, 1979: 278, 287, 309).

К востоку и северо-востоку от городища Танаис до активной распашки существовал обширный курганный могильник, в погребениях которого явно господствует сарматская обрядность. Здесь компактно располагались несколько сотен курганов высотой от 0,2 до 4 м. К сожалению, археологический анализ следов танаисской дружины в нем практически невозможен из-за почти повального ограбления мужских воинских погребений этого времени, а также современной хозяйственной активности. Мы имеем дело именно с единичными и обычно фрагментированными комплексами. В уцелевшем парном богатом погребении 1 кургана 12 (1968 г.) гроб мужчины сопровождался, среди прочего, длинным всадническим мечом, седлом с золотыми аппликациями, уздечкой и ногойкой. При массовом ограблении курганов от меча или кинжала сохраняются, в лучшем случае, фрагменты клинка (курган 42, 1979 г.) (Архив Института археологии РАН. Р-1. №9767. С. 57–58). Встречались и стрелы колчанных наборов (курганы 10/19 и 19/5) (Толочко, 2004: 193–194). Важна также связка мечей, лежавшая в одном из зданий в период гибели города в середине III в. (Vlaskin, 1997).

ЖЕНЩИНЫ-ВОИТЕЛЬНИЦЫ И ЖЕНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С ОРУЖИЕМ

Письменные сведения о женщинах-воительницах крайне фрагментарны. О деталях военной подготовки девушек-сарматок интересующего нас времени сообщает лишь Помпоний Мела. Он отмечает, что их главным оружием был лук со стрелами для дальнего боя (Pomp. Mela. De situ orbis. III. 34–35); умели они обращаться и с арканом (Ibid. I. 114), который, к сожалению, не сохранился в могилах. Важно, что описанные Мелой племена (иксаматы/язаматы и, видимо, их прямые соседи) локализируются в самых низовьях Дона. Не удивительно, что именно здесь и обнаружены основные яркие комплексы воительниц. При этом в женских погребениях многократно найдены не только стрелы, но и разнообразное оружие для рукопашной схватки. Здесь даже в преимущественно греческом Танаисе еще во II–I вв. до н. э. отмечена серия могил попавших сюда замуж (?) воительниц с набором стрел или боевым копьём (Глебов, Ильяшенко, Толочко, 2005: 66–70). Увы, подавляющее большинство женских могил с оружием сегодня нельзя идентифицировать из-за ограбления большинства из них, отсутствия антропологических половозрастных определений. Однако ясно, что со II в. н. э. доля таких погребений резко падает. Ясно также, что наличие всего одного-двух наконечников стрел у женщины (особенно в зоне, где находились украшения и амулеты) свидетельствует не о ее «воинственности», а об использовании этих предметов в качестве амулетов (этот обычай у кочевников Степи сохранялся до середины XX в.). В единственной недавней книге, специально посвященной «амазонкам» у ранних кочевников, господствует скептицизм относительно социокультурной информативности погребений женщин с оружием: даже если таковое найдено «в рабочем положении» и в наборе из разнотипных предметов, непонятно, о чем именно оно свидетельствует и т. п. (Богаченко, 2011: 153–156, 185–187). Автора смущает крайняя *малочисленность* женских могил, в которые помещали оружие, однако мы не видим в этом принципиального препятствия. Дело в том, что в большинстве *курганных* могильников средне- и позднесарматского времени (которые обычно и исследуют археологи) трудно искать достоверный демографический срез эпохи: во многих из них заметно преобладают мужские погребения (что не могло соответствовать реальности), иногда — пожилых мужчин, отсутствуют дети. Речь в таких случаях может идти о престижности захоронения с оружием в именно курганах или в конкретном могильнике и т. п.

Для женских погребений с оружием бассейна Нижнего Дона показателем *могильник Новый* на р. Сал. Его можно считать эталонным для среднесарматской культуры, т. к. он велик по размеру и почти полностью сформировался в это время (197 могил), а кости умерших из него дважды изучались антропологом (Ильюков, Власкин, 1992; Батиева, 2011). Здесь оружие было положено лишь с девятью взрослыми женщинами (16%) (Вдовченко, 2013: 291), причем семь из них были в возрасте 21–35 лет, в четырех случаях — с детьми, т. е., видимо, замужними. В числе их вооружения — колчаный набор стрел (20–45 штук). Но при этом оно ограничивалось стрелами лишь дважды; обычно же они сочетались с клинковым оружием (короткий меч или кинжал, в кургане 61/3 также боевой нож). Такой комплект совпадает с мужским (Яценко 2014а: 300) и отражает объективную реальность тогдашних войн.

В могильниках этого времени у устья Дона для подчеркивания особого статуса знатной женщины старше 25 лет было достаточно положить в ее могилу один предмет вооружения (но не банальные стрелы!). Так, на территории г. Ростова-на-Дону в кургане 1/8 Северо-Западного I это был меч, а в кургане 10/2 в Кобяково — двулезвийный топор. Отрицать реальное участие обеих в военных действиях нет оснований (Богаченко, 2011: 160–161). К раннему этапу позднесарматской культуры относятся две не разграбленные могилы знатных воительниц в группе некрополей Высочино на левобережье (Беспалый, Лукьяшко, 2008: 21–23, 82–87). В кургане 10 группы I женщина имела длинный всаднический меч с навершием из горного хрусталя и украшенный золотом кинжал. В кургане 18 группы V ее сопровождал пробойник-клевец с инкрустацией медью. В находившемся чуть западнее, в Донецком кряже кургане 2 у Чугуно-Крепки таким предметом парадного вооружения была секира с 15 шипами (Яценко, 2007: 61). Такой перечень оружия не соответствует мужскому и весьма необычен, он выглядит парадным и относительно случайным: это в первую очередь единичные символы сравнительно высокого статуса (ср.: в Центральной Азии — Ак-Алаха I, курган 1, но также и у жен правителей — Тиля-тепе, могила 2 и Аржан-2, см.: Яценко, 2006: 95, 176, 341).

В *дружинных* могильниках сопровождающим женщинам лишь в исключительных случаях (и только *вне* основного фертильного возраста 16–35 лет) клали статусное клинковое оружие. Так, на кубанском «Золотом кладбище» его поместили, видимо, с девушкой-подростком в кургане 32 у Усть-Лабинской (умершая носила также простенькую золотую гривну). Напротив, в Новых Бедряхах это была воительница весьма пожилого для того времени возраста 35–40 лет (ограбленная могила 6), сопровождавшая погребенного в соседней яме мужа (?) и имевшая меч.

В позднесарматскую эпоху речь идет, видимо, об исчезновении обычая помещать женское оружие в могилы (кроме немногих женщин — жен локальных военных предводителей). Между тем вряд ли длинный меч из Высочино в сочетании с кинжалом в боевом положении у умершей был именно символическим... Еще во второй половине III в. н. э. в войнах на римской дунайской границе в качестве союзников готов участвовали женщины-сарматки в одежде «мужского» облика (их, в числе прочих, провели по Риму в триумфе императора Аврелиана 275 г.) (там же: 141, 341).

ВЫВОДЫ

Впервые системно рассматривается вопрос о сарматской дружине. На материале среднесарматской и ранней позднесарматской культур в европейской Степи выявляются могильники дружинников середины I — конца II в. н. э., материал которых позволяет уточнить социальный статус последних, более низкий, чем у аристократии,

особенности семьи и материального обеспечения. Институт дружины во многом был спровоцирован противостоянием с армиями Рима и его союзников, однако в дальнейшем использовался ими. Данные о привлечении женщин к участию в военных столкновениях следует рассматривать комплексно и без излишнего скептицизма. Оно было связано в первую очередь с кочевниками низовьев Дона конца I в. до н. э. — начала III в. н. э. В конце этого периода положение оружия (парадного) в женские могилы стало прежде всего атрибутом женщин знати не самого высокого ранга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев, В. И. (1979) Словарь скифских слов // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки / отв. ред. В. С. Расторгуева. М. : Наука. 387 с. С. 276–311.
- Батиева, Е. Ф. (2011) Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. — IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование). Ростов н/Д : ЮНЦ РАН. 160 с.
- Беспалый, Е. И., Лукьяшко, С. И. (2008) Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Ростов н/Д : ЮНЦ РАН. 224 с.
- Богаченко, Т. Н. (2011) Женщины-воительницы южнорусских степей: Исторические основы сказаний. Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publ. 256 с.
- Васютин, С. А., Дашковский, П. К. (2009) Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул : Изд-во Алтайск. гос. ун-та. 400 с.
- Вдовченко, Е. В. (2012а) Катафрактары и сарматский социум: постановка проблемы // Политическая антропология традиционных и современных обществ : материалы Междунар. конф. / отв. ред. Н. Н. Крадин. Владивосток : Изд. дом Дальневосточ. федеральн. ун-та. 464 с. С. 71–81.
- Вдовченко, Е. В. (2012б) Сарматизация Танаиса как частный случай взаимодействия цивилизации и варварства // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт / отв. ред. В. П. Буданова, О. В. Воробьева. М. : ИВИ РАН. 351 с. С. 197–219.
- Вдовченко, Е. В. (2013) «Мужское» и «женское» в погребальном обряде и обществе сарматов Подонья (по материалам курганного могильника Новый) // Преподаватель. XXI век. Т. 2. № 4. С. 287–294.
- Глебов, В. П., Ильяшенко, С. М., Толочко, И. В. (2005) Погребения с оружием эллинистического времени из некрополя Танаиса // Древности Боспора. М. : Институт археологии РАН. Т. 8. 520 с. С. 52–97.
- Гущина, И. И., Засецкая, И. П. (1994) «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб. : Фарт. 172 с.
- Завойкина, Н. В. (2004) *Ταναϊται* в истории Боспорского государства // Древности Боспора. М. : Институт археологии РАН. Т. 7. 448 с. С. 163–199.
- Ждановский, А. М. (1984) Подкурганные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа / отв. ред. Н. И. Кирей. Краснодар : Изд-во Кубанск. гос. ун-та. 192 с. С. 72–99.
- Ильюков, А. С., Власкин, М. В. (1992) Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов н/Д : Изд-во Ростовск. ун-та. 289 с.
- Медведев, А. П. (1990) Сарматы и Лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж : Изд-во Воронежск. ун-та. 220 с.
- Медведев, А. П. (2008) Сарматы в верховьях Танаиса. М. : Таус. 252 с.
- Нефедкин, А. К. (2011) Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; Нестор-История. 304 с.
- Толочко, И. В. (2004) Некрополь Танаиса (начало III в. до н. э. — V в. н. э.): опыт сравнительного изучения : дис ... канд. ист. наук. М. 312 с.
- Хазанов, А. М. (1971) Очерки военного дела сарматов. М. : Наука. 172 с.
- Шелов, Д. Б. (1972) Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М. : Наука. 352 с.

Яценко, С. А. (1998) Имена аланов из Танаиса второй половины II — первой половины III в. н. э. как исторический источник // *Донская археология*. №1. С. 54–55.

Яценко, С. А. (2006) Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М. : Восточная литература. 664 с.

Яценко, С. А. (2007) О женщинах-«жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматов I в. до н. э. — II в. н. э.) // *Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе*. Вып. 1 / отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул : Азбука. 258 с. С. 58–65.

Яценко, С. А. (2008) Древние орудия в культуре сарматов и поздних скифов // *Нижеволжский археологический вестник*. Вып. 9. С. 117–126.

Яценко, С. А. (2011) К дискуссии об оформлении позднесарматской этнокультурной общности 2-й половины II — 1-й половины III века нашей эры // *Нижеволжский археологический вестник*. Вып. 12. С. 197–213.

Яценко, С. А. (2014a) К интерпретации групп воинских погребений в сарматских некрополях // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения : материалы Междунар. науч. конф. Москва, 21–25 апреля 2014 г. / отв. ред. Д. С. Коробов. М. : Изд-во Ин-та археологии РАН. 408 с. С. 300–301.

Яценко, С. А. (2014b) Дружина у кочевых сарматов: материальные свидетельства // *Историческое обозрение*. Вып. 15: Элита России в прошлом и настоящем : материалы III Всерос. науч. конф. / отв. ред. С. В. Алексеев. М. : Национальный ин-т бизнеса. 104 с. С. 25–39.

Vlaskin, M. (1997) Ein Schwertdepot aus Tanais // *Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens*. Vol. 3. P. 489–506.

Дата поступления: 19.12.2014 г.

*SOME ASPECTS OF THE MILITARY ORGANIZATION
OF THE ANCIENT NOMADS OF EUROPEAN STEPPES*

S. A. YATSENKO

*(RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES,
MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES),*

E. V. VDOVCHENKOV

(SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY, ROSTOV-ON-DON)

The article continues the series of our publications on Sarmatians' social order. This group of early nomads has been extensively studied archeologically, with the research covering a very large territory. But the analysis of social institutes remains sarmatology's weakest link. Traditionally, the study of social stratification has merely implied complex and itemized statistical listings of how burials were made and which accompanying artifacts they contained, etc. We take a different approach by classifying burial mounds according to how they were formed, outfitted and (consequently) robbed.

In this article, we compare three burials of the bodyguards of the mid-1st — early 3rd cc. CE (found in the various parts of Sarmatia) on the basis of universal presence of weapons by the bodies of all men. In every case, the burial rites seem to have been standardized. Such necropolises were located near the settlements of the dependent farmers; with every such settlement defended by a small band of warriors. The professional warriors' equipment was not standard; it depended on that of the enemies, on the tributaries' resources and the abundance or scarcity of the spoils of war. We can easily identify the graves of military leaders, distinguished by a number of details in their weapons and clothes and also by a special design and planigraphy of their barrows. Buried beside with the men were the wives they brought over from the homeland and some more "important" children. There are no reasons for construing the burial as that of aristocrats; most likely, these were hired bodyguards. Such bands of warriors were most likely formed during the military confrontation with the Roman Empire and its allies at the peak of their activity along the north-eastern borders.

Our conclusion that a band of Sarmatian bodyguards existed in the town of Tanais in late 2nd — early 3rd cc. CE is based on epigraphic data. The inscriptions reveal the specific organization of the

citizenry and the big role Sarmatians played in its public life. The analysis of names and bynames of Sarmatian origin proved very important, as their etymology sometimes is connected with military action.

Written sources note a special role of women in some tribes living at the mouth of the Don. This has been fully corroborated by archaeological finds. In the Novyi necropolis, armed women (usually married ones) accounted for about 16% of all burials and their range of weapons was similar to that of the males. In most necropolises, a single ceremonial weapon was the status symbol of the wives of second-rank nobility.

Keywords: archaeology, Sarmatians, Middle Sarmatian culture, Late Sarmatian culture, nomads, bodyguard groups, warriors' necropolises, military leaders, Tanais (town), female warriors, Lower Don basin, weapons.

REFERENCES

Abaev, V. I. (1979) Slovar' skifskikh slov [The Dictionary of Scythian words]. In: *Osnovy iransko-gazykoznaniia. Drevniranskie iazyki* [Foundations of Iranian Linguistics. The Old Iranian Languages] / ed. by V. S. Rastorgueva. Moscow, Nauka Publ. 387 p. Pp. 276–311. (In Russ.).

Batieva, E. F. (2011) *Naselenie Nizhnego Dona v IX v. do n. e. — IV v. n. e. (Paleoantropologicheskoe issledovanie)* [The population of the Lower Don basin in the 9th c. BCE — 4th c. CE (A paleo-anthropological study)]. Rostov-on-Don, Southern Scientific Center of the RAS Publ. 160 p. (In Russ.).

Bespaly, E. I. and Lukyashko, S. I. (2008) *Drevnee naselenie mezhdurech'ia Dona i Kagal'nika. Kurgannyi mogil'nik y s. Vysochino* [The ancient population of the interfluvium of the Don and Kagalnik rivers. The barrow burial near Vysochino Village]. Rostov-on-Don, Southern Scientific Center of the RAS Publ. 224 p. (In Russ.).

Bogachenko, T. N. (2011) *Zhenishchiny-voitel'nitsy iuzhnorusskikh stepei: Istoricheskie osnovy skazanii* [Female warriors of the steppes of South Russia: Legends and their historical foundations of legends]. Saarbrücken, LAP Lambert Academic Publ. 256 p. (In Russ.).

Vasyutin, S. A. and Dashkovsky P. K. (2009) *Sotsial'no-politicheskaia organizatsiia kočevnikov Tsentral'noi Azii pozdnei drevnosti i rannego srednevekov'ia (otechestvennaia istoriografiia i sovremennye issledovaniia)* [The social and political organization of the Central Asia nomads in late Antiquity and early Middle Ages (Russian historiography and contemporary studies)]. Barnaul, Altai State University Publ. 400 p. (In Russ.).

Vdovchenkov, E. V. (2012a) Katafraktarii i sarmatskii sotsium: k ostanovke problemy [Cataphracts and the Sarmatian society: Stating the problem]. In: *Politicheskaia antropologiiia traditsionnykh i sovremennykh obschestv* [Political anthropology of traditional and modern societies]: Proceedings of the international conference / ed. by N. N. Kradin. Vladivostok, Far Eastern Federal University Publ. 464 p. Pp. 71–81. (In Russ.).

Vdovchenkov, E. V. (2012b) Sarmatizatsiia Tanaisa kak chastnyi sluchai vzaimodeistviia tsivilizatsii i varvarstva [Sarmatization of the Tanais as a special case in the interaction between civilization and barbarians]. In: *Tsivilizatsiia i varvarstvo: transformatsiia poniatii i regional'nyi opyt* [Civilisation and barbarians: The transformation of concepts and the regional experience] / ed. by V. P. Budanova and O. V. Vorobyova. Moscow, Institute of General History of the RAS Publ. 351 p. Pp. 197–219. (In Russ.).

Vdovchenkov, E. V. (2013) “Muzhskoe” i “zhenskoe” v pogrebal'nom obriade i obshchestve sarmatov Podon'ia (po materialam kurgannogo mogil'nika Novyi) [The “Male” and “Female” in the burial rites and in the society of the Don Sarmatians (The case of the Novyi barrow burial)]. *Prepodavatel'. XXI vek*, vol. 2, no. 4, pp. 287–294. (In Russ.).

Glebov, V. P., Ilyashenko, S. M. and Tolochko, I. V. (2005) Pogrebeniia s oruzhiem ellinisticheskogo vremeni iz nekropolia Tanaisa [The Tanais necropolis and its burials featuring Hellenistic-era weapons]. In: *Drevnosti Bospora*, vol. 8. Moscow, Institute of Archaeology of the RAS Publ. 520 p. Pp. 52–97. (In Russ.).

Gushchina, I. I. and Zasetskaya, I. P. (1994) “*Zolotoe kladbisbche*” *rimskoi epokhi v Prikuban’ e* [The “Golden Cemetery” of the Roman Period in the Kuban Basin]. St. Petersburg, Farn Publ. 172 p. (In Russ.).

Zavoikina, N. V. (2004) *Τανναίται v istorii Bosporskogo gosudarstva* [Τανναίται in the History of Kingdom of the Bosphorus]. In: *Drevnosti Bospora*, vol. 7. Moscow, Institute of Archaeology of the RAS Publ. 448 p. Pp. 163–199. (In Russ.).

Zhdanovskii, A. M. (1984) Podkurgannye katakomby Srednego Prikuban’ia pervykh vekov nashei ery [Under barrow catacombs of the first centuries AD in the Middle Trans-Kuban area]. In: *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniia Severnogo Kavkaza* [Archaeological and ethnographical studies of the North Caucasus] / ed. by N. I. Kirei. Krasnodar, Kuban State University Publ. 192 p. Pp. 72–99. (In Russ.).

Ilyukov, L. S. and Vlaskin, M. V. (1992) *Sarmaty mezhbdurech’ ia Sala i Manycha* [The Sarmatians of the Sal and Manych rivers interfluvium]. Rostov-on-Don, Rostov University Publ. 289 p. (In Russ.).

Khazanov, A. M. (1971) *Ocherki voennogo dela sarmatov* [Essays on the military knowledge of Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ. 172 p. (In Russ.).

Medvedev, A. P. (1990). *Sarmaty i Lesostep’ (po materialam Podon’ ia)* [Sarmatians and the forest-steppe zone (The case of the Don basin)]. Voronezh, Voronezh University Publ. 220 p. (In Russ.).

Medvedev, A. P. (2008) *Sarmaty v verkhov’ iakh Tanaisa* [Sarmatians in the Upper Reaches of the Tanais]. Moscow, Taus Publ. 252 p. (In Russ.).

Nefedkin, A. K. (2011). *Voennoe delo sarmatov i alanov (po dannym antichnykh istochnikov)* [The military art of Sarmatians and Alans according to classical sources]. St. Petersburg, Philological Faculty, St. Petersburg State University ; Nestor-Istoriia Publ. 304 p. (In Russ.).

Tolochko, I. V. (2004) *Nekropol’ Tanaisa (nachalo III v. do n.e. — V v. n.e.): opyt sravnitel’ no-go izucheniia* [The Tanais necropolis in the 3rd c. BCE — 5th c. CE: A comparative analysis]: diss. ... Candidate of History. Moscow. 312 p. (In Russ.).

Shelov, D. B (1972) *Tanais i Nizbnii Don v pervye veka nashei ery* [The Tanais and the Lower Don basin in the first centuries CE]. Moscow, Nauka Publ. 352 p. (In Russ.).

Yatsenko, S. A. (1998) Imena alanov iz Tanaisa vtoroi poloviny II — pervoi poloviny III vv. n.e. kak istoricheskii istochnik [The names of Tanais Alans in the latter 2nd — early 3rd c. CE as a historical source]. *Donskaia arkheologiya*, no. 1, pp. 54–55. (In Russ.).

Yatsenko, S. A. (2006) *Kostium drevnei Evrazii (iranoiazychnye narody)* [The costume in the ancient Eurasia (Iranian-speaking peoples)]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ. 664 p. (In Russ.).

Yatsenko, S. A. (2007) O zhenschinakh—“zhritsakh” u rannikh kochevnikov (na primere znatnykh sarmatok I v. do n. e. — II v. n. e.) [“Priestesses” of the early nomads (The case of noble Sarmatian women, the 1st c. BCE — 2nd c. CE)]. In: *Mirovozzrenie naseleniia Yuzhnoi Sibiri i Tsentral’ noi Azii v istoricheskoi retrospective* [The worldview of the peoples of South Siberia and Central Asia: A historical retrospective]. Vol. 1 / ed. by P. K. Dashkovsky. Barnaul, Azbuka Publ. 258 p. Pp. 58–65. (In Russ.).

Yatsenko, S. A. (2008) Drevnie orudiia v kul’ture sarmatov i pozdnykh skifov [Ancient tools in the culture of Sarmatians and late Scythians]. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik*, vol. 9, pp. 117–126. (In Russ.).

Yatsenko, S. A. (2011) K diskussii ob oformlenii pozdnesarmatskoi etnokul’turnoi obshchnosti 2-i poloviny II — 1-i poloviny III veka nashei ery [On the discussion on the rise of the late Sarmatian ethnocultural community in the latter 2nd and the early 3rd century CE]. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik*, vol. 12, pp. 197–213. (In Russ.).

Yatsenko, S. A. (2014a) K interpretatsii grupp voinskikh pogrebenii v sarmatskikh nekropoliakh [On the interpretation of the groups of warrior burials in Sarmatian necropolises]. In: *E. I. Krupnov i razvitie arkheologii Severnogo Kavkaza. XXVIII Krupnovskie chteniia* [E.I. Krupnov and the Development of Archaeology in the Northern Caucasus. The 28th Krupnov Readings]: Proceedings of the International scientific conference. Moscow, April 21–25, 2014 / ed. by D. S. Korobov. Moscow, Institute of Archaeology of the RAS Publ. 408 p. Pp. 300–301. (In Russ.).

Yatsenko, S. A. (2014b) *Druzhina u kochevykh sarmatov: material'nye svidetel'stva* [Bodyguards of the nomadic Sarmatians: material evidence]. In: *Istoricheskoe obozrenie*. Vol. 15: *Elita Rossii v proshlom i nastoiashchem* [Elite of Russia in the Past and Present]: Proceedings of the 3rd All-Russian Conference / ed. by S. V. Alekseev. Moscow, National Institute of Business Publ. 104 p. Pp. 25–39. (In Russ.).

Vlaskin, M. (1997) Ein Schwertdepot aus Tanais. *Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens*, vol. 3, pp. 489–506. (In Germ.).

Submission date: 19.12.2014.

Яценко Сергей Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, член Европейской ассоциации археологов и Международного общества изучения знаков «Сигнум». Адрес: 125993, Москва, ГСП-3, Миусская пл., д. 6. Тел.: +7 (499) 250-68-27, +7 (495) 300-72-26. Эл. адрес: sergey_yatsenko@mail.ru

Вдовченков Евгений Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира Института истории и международных отношений Южного федерального университета. Адрес: 344000, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 33. Тел.: +7 (863) 24-018-66. Эл. адрес: vdovchenkov@yandex.ru

Yatsenko Sergey Aleksandrovich — Doctor of History, Professor, Department of History and Theory of Culture, Russian State University for the Humanities; Professor, Department of Philosophy, Culturology and Politology, Moscow University for the Humanities, member of the European Association of Archaeologists and Signum, International Society for Mark Studies. Postal address: 6 Miusskaya pl., Moscow, GSP-3, Russian Federation, 111531. Tel.: +7 (499) 250-68-27, +7 (495) 300-72-26. E-mail: sergey_yatsenko@mail.ru

Vdovchenkov Evgeny Viktorovich, Candidate of History, Associate Professor, Department of Archaeology and Ancient History, Institute of History and International Relations, South Federal University. Postal address: 33 B. Sadovaya St., Rostov-on-Don, Russian Federation, 344000. Tel.: +7 (863) 240-18-66. E-mail: vdovchenkov@yandex.ru